

08.00.14 МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

08.00.14
УДК 339.9

ВОЗМОЖНО ЛИ В РОССИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СЧАСТЬЕ ПО-КИТАЙСКИ?

© 2017

Гаврилова Валерия Евгеньевна, к.э.н., доцент кафедры «Экономики инноваций»
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва (Россия)
Говорова Ангелина Валерьевна, аспирант кафедры «Мировая экономика»
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва (Россия)

Аннотация

Введение. Почти полвека назад в экономической теории появился новый раздел, исследующий субъективные представления человека об удовлетворённости своей жизнью как экономический феномен – экономика счастья. Пока она изучается только на теоретическом уровне, но сможет ли экономическая теория счастья стать основой макроэкономической политики государства?

Материалы и методы. Принятые в октябре 2015 года XIII пятилетний план развития КНР и программа «Китайское производство – 2025», а также Постановление от 18.04.2016 № 317 «О реализации Национальной технологической инициативы» запустили в двух странах – Китае и России – новый этап развития, направленный на инновационное и технологическое совершенствование экономики. Соотнесём результаты экономического развития и показатели уровня счастья жизни населения двух стран, чтобы оценить эффективность проводимой экономической политики.

Результаты. В данной статье исследуется взаимосвязь инновационного развития страны и уровня счастья её населения. Проводится сравнительный анализ качественного изменения экономической политики КНР, как одной из самых быстроразвивающихся экономик мира, и Российской Федерации. В рамках данной статьи была проанализирована текущая инновационная политика обеих стран. Проведённое исследование позволяет утверждать, что провозглашённый инновационный вектор развития страны и повышение уровня жизни и счастья населения в РФ не имеют явной корреляции, тогда как в Китае они согласованы.

Обсуждение. Большинство современных исследователей экономики счастья априори соглашаются с «парадоксом Истерлина», который заключается в том, что экономический рост не всегда приводит к увеличению уровня счастья населения страны. Результаты данного исследования опровергают этот парадокс на примере Китая.

Заключение. Инновации позволяют поддерживать интенсивный экономический рост, приводящий не только к увеличению благосостояния страны, но и к увеличению уровня счастья её населения. Более того, увеличение уровня счастья населения страны может способствовать увеличению темпов её экономического роста.

Ключевые слова: глобальный индекс инноваций, инновации, инновационная политика, «китайская мечта», Китайская Народная Республика, международные индексы счастья, международные сравнения, парадокс Истерлина, Российская Федерация, экономика счастья.

Для цитирования: Гаврилова В. Е., Говорова А. В. Возможно ли в России экономическое счастье по-китайски? // Вестник НГИЭИ. 2017. № 8 (75). С. 107–118.

IS IT POSSIBLE TO BUILD ECONOMIC HAPPINESS IN RUSSIA 'IN CHINESE'?

© 2017

Gavrilova Valeria Evgenievna, Ph. D., associate Professor of the Department of economic of innovations,
Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia)
Govorova Angelina Valerievna, postgraduate student, Department of world economy,
Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia)

Abstract

Introduction. Almost half a century ago, a new section appeared in economic theory, exploring the subjective views of a person about satisfaction with his life as an economic phenomenon – the economy of happiness. While it is

studied only on a theoretical level, but can the economic theory of happiness become the basis of the state's macroeconomic policy?

Materials and methods. Adopted in October 2015 XIII five-year plan of China and program «Made in China 2025», as well as the Decision of 18.04.2016 № 317 «On the implementation of the National technology initiative» launched in two countries – China and Russia – are a new stage of development aimed at innovation and technological improvement of the economy. This article relates the results of economic development and the happiness indicators of the population of the two countries to evaluate the effectiveness of economic policy.

Results. This article explores the relationship between the country's innovative development and the level of happiness of its population. A comparative analysis of the qualitative change in the economic policy of the PRC is carried out both from the most rapidly developing economies of the world and the Russian Federation. Within the framework of this article, the current innovation policy of both countries was analyzed. The conducted research allows to assert that the proclaimed innovative vector of development of the country and increase of a standard of life and happiness of the population in the Russian Federation have no obvious correlation whereas in China they are coordinated.

Discussion. Most modern scholars of the Economics of happiness a priori agree with the «Easterlin paradox», which is that economic growth does not always lead to an increase in the level of happiness of the population of the country. The results of this study refute this paradox on the example of China.

Conclusion. Innovations allow supporting intensive economic growth, which leads not only to an increase in the country's welfare, but also to an increase in the level of happiness of its population. Moreover, the increase in the level of happiness of the population can increase its economic growth rate.

Key words: global innovation index, innovation, innovation policy, innovation policy, «Chinese dream», Russian Federation, People's Republic of China, international happiness indexes, international comparisons, Easterlin paradox, happiness economy.

Введение

Счастье как экономическая категория

Согласно исследованиям зарубежных учёных, понятие «счастье» как объект исследования впервые было упомянуто ещё в XVIII веке итальянским священником и историографом Лудовико Антонио Муратори, целью государственной политики, по мнению которого, является поиск лучших экономических средств для достижения «общественного счастья» [21].

Об экономике счастья уже можно говорить в контексте классического труда Адама Смита «Исследования о природе и причинах богатства народов» (1776 г.), который в теории благосостояния основным его источником считает накопление национального капитала. При этом факторы экономического роста, главнейшие из которых – накопление капитала и разделение труда – автоматически являются факторами роста благосостояния.

Богатство как частный случай удовольствия понимает основатель утилитаризма философ И. Бентам. Он минимизирует в своем анализе счастья собственно хозяйственные факторы, а благосостояние предлагает измерять вычитанием суммы страданий из суммы удовольствия за данный период времени. Интересно, что Дж. С. Милль, также как и И. Бентам, не доверяет рынку категорию «счастья», доказывая, что все действия человека обуславливаются не только стремлением к построению личного счастья, но и к созданию счастья обще-

ственного, двумя составляющими которого являются добродетель и справедливость [14].

Благодаря философским взглядам И. Бентама, понятие «счастье» зачастую изучается вместе с понятием «полезность». На рубеже XIX–XX веков теория полезности изучалась в работах представителей неоклассической школы: Ф. Эджуорта, У. Джевонса, Ф. Уикстида и других. Множество исследований на тему понятия счастья и удовлетворённости человеком своей жизнью посвятили учёные первой половины XX века: М. Абрамовиц, Х. Кэнтрил, А. Инкелес, Дж. Робинсон, Ф. Шейверс и другие.

Экономика счастья является относительно новым разделом экономической мысли. На сегодняшний день «счастье» под разными углами зрения изучают такие учёные, как Р. Веенховен, С. Вю, Д. Блэнчфлауэр, Э. Кларк, Э. Освальд, Н. Пудхави, Б. Стивенсон, Дж. Уолферс, П. Лукичёв, О. Антипина. Эти исследования выявляют и систематизируют факторы счастья, изучают и измеряют уровни счастья разных стран, а также выявляют влияние счастья на экономическую деятельность на микро- и макроуровнях.

У истоков этого направления по праву стоят психолог Д. Канеман и экономист и демограф Ричард Истерлин, который в своём исследовании [23] предложил концепцию экономики счастья, описав взаимосвязь уровня благосостояния и уровня счастья населения страны [15].

Рассуждая о возможности сопоставления уровня счастья в разных странах, Р. Истерлин цитирует К. Маркса в доказательство своих исследований, которые показали, что уровень счастья не зависит напрямую от объёма ВВП и других макроэкономических показателей, хотя и, согласно А. Пигу, он может изменяться в том же направлении: «Дом может быть большим или маленьким; пока окрестные дома столь же малы, он отвечает всем запросам общества. Но если рядом с маленьким домиком воздвигнуть дворец, домик съёжится, обернувшись жалкой хижинкой» [23].

В настоящее время счастье измеряется как индивидуальными исследователями, так и различными организациями. Например, британский Новый экономический фонд (New Economics Foundation) опубликовал Международный индекс счастья (HappyPlanetIndex) в 2006, 2009, 2012 и 2016 годах [28; 32; 33]. Американский институт общественного мнения – Международный исследовательский центр Гэллапа (American Institute of Public Opinion, Gallup) – проводит Исследование по итогам года (EndofYearsurvey), в рамках которого определяет самую счастливую страну [37]. Наконец, с 2012 года исследовательский центр «Институт Земли» при Колумбийском университете под эгидой ООН в рамках глобальной инициативы «Сеть решений устойчивого развития» (UN Sustainable Development Solutions Network) ежегодно публикует свой международный рейтинг счастья (World Happiness Report) [25; 28]. В 2013–2015 гг. согласно оценкам экспертов ООН, самой счастливой страной была Дания. Китай занимал 83-ю строчку, что ниже позиции России (56 строчка) и Гонконга (75 место). Самой несчастливой страной, согласно World Happiness Report, является Бурунди [28]. В 2017 году самой счастливой страной в рейтинге стало Королевство Норвегия – одно из самых благополучных и развитых государств мира по многим социально-экономическим показателям. Второе место заняла Дания (лидер рейтинга 2016), Россия находится выше середины рейтинга, занимая 49 место, сразу после Италии.

Существует множество способов измерения уровня счастья отдельного человека или населения целой страны (например, Международная база данных счастья [World Database of Happiness]). Общей характеристикой всех подобных исследований является то, что они основаны на социологических опросах населения. Счастье и в экономическом, и в психологическом, и в философском смыслах является субъективным понятием. Однако экономистами была выявлена корреляция между уровнем счастья индивида и его доходом, социальным положе-

нием, состоянием здоровья и другими факторами. В настоящее время экономисты и социологи находятся в поисках универсальной анкеты, которая позволит провести независимую оценку уровня счастья в странах мира.

Материалы и методы

Инновационные революции в России и Китае

Перед Россией и Китаем стоит единая принципиальная задача, с одной стороны, оставаться на своих позициях, с другой – формировать потенциал для развития.

В России принята Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года [17], которая призвана ответить на стоящие перед страной вызовы и угрозы в сфере инновационного развития. Основными задачами провозглашается развитие кадрового потенциала в сфере науки, образования, технологий и инноваций; повышение инновационной активности бизнеса и появление новых инновационных компаний; а также – максимальная технологичность и инновационность в сфере государственного управления. Особый интерес вызывает III раздел данной Стратегии, в котором описано формирование так называемого «инновационного человека». Исходя из материалов Стратегии, этот «инновационный человек» представляется человеком с особым мировоззрением, принципиально отличным от современного российского обывателя. Не исключено, что речь идет о привилегированной касте. Но наша история богата отрицательными примерами искусственного формирования особых людей – у строителя коммунизма было множество социально-экономических патологий. В рамках задачи конструирования «инновационного человека», намечается стимулировать государственных чиновников к повышению квалификации: предполагается получение госслужащими длительных (до двух лет) отпусков с сохранением содержания и должности для прохождения очного обучения в магистратуре по программам второго высшего и дополнительного профессионального образования, в том числе в зарубежных университетах (раздел V). Кроме того, обязательным требованием к чиновникам, которые претендуют занять высокий государственный пост, будет свободное владение иностранным языком. По сути, формирование «инновационных людей» – это трансформация чиновников исключительно за счет урезания прочих социальных программ.

В 2002 году генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао предлагает новую идею развития гармонического общества с социал-демократическим акцентом. Предполагается, что гармоническое общество должно обеспечивать равноправие и спра-

ведливость, а также предоставлять возможности общего доступа к благам и результатам развития страны [3]. Таким образом, впервые из уст официальных властей звучит принцип индивидуально-ориентированной экономики, направленной на развитие человека и личности, увеличение уровня образования и качества жизни населения.

В ноябре 2012 года в КНР появилось понятие «китайской мечты», идею которой выдвинул Председатель КНР Си Цзиньпин. По его словам, в основе этой мечты лежит «реализация великого возрождения китайской нации» [16]. Во время своей речи на первой сессии Всекитайского собрания народных представителей 12-го созыва в марте 2013 года Си Цзиньпин отметил, что процесс осуществления китайской мечты должен проходить «прочно опираясь на народ, надо постоянно нести народу счастье», так как «в конечном счёте, китайская мечта – это мечта народа» [37]. Таким образом, в отличие от европейских стран, а также от России, стремящихся достичь увеличения уровня благосостояния населения своих стран, Китай встал на путь поиска счастья своего народа. Такая политика вторит как одному из основных положений экономики счастья – парадоксу Истерлина [17].

В настоящее время главным фактором экономического роста выступают инновации. В этом смысле можно сказать, что они стали новым фактором производства, наряду с привычными трудом, землёй и капиталом. Различными организациями составляются многочисленные рейтинги стран по уровню инновационного развития, например, Международный инновационный индекс, Глобальный индекс инноваций, Инновационный индекс компании Bloomberg, Индекс глобальной конкурентоспособности и другие. Но означает ли инновационный успех страны повышение уровня жизни населения и, что самое главное, уровня его счастья?

Ответ на этот вопрос искали как зарубежные, так и отечественные учёные. Некоторые исследования посвящены взаимосвязи инноваций и счастья на микроуровне. Они исследуют взаимосвязь личного ощущения счастья работника и степень креативности и инновационности его деятельности (например [9; 18; 21]). Гораздо меньше работ связано с изучением взаимосвязи инноваций и счастья на макроуровне. В конце 2015 года было проведено исследование взаимосвязи уровня счастья в странах Латинской Америки и Глобального индекса инноваций (ГИИ) [23]. Оказалось, что явная связь между уровнем счастья и уровнем инновационного развития отсутствует. Однако это свидетельствует лишь о том, что необходимо применять иные инструменты

изучения взаимосвязи между данными явлениями. Более того, возможно, требуется пересмотр самих методов оценки счастья и инновационности [23].

Отечественные учёные посвящают свои работы вопросу влияния инноваций не на счастье населения, а на уровень его жизни [4; 5; 8]. Так, М. Ю. Архипова и А. В. Лебедев пришли к заключению, что население большинства стран с высоким уровнем инновационной активности оценивает своё благосостояние значительно выше, чем население стран со средним и низким уровнем инновационной активности [5]. Однако высокий уровень благосостояния населения далеко не всегда означает высокий уровень его счастья.

В настоящее время Китай находится в процессе трансформации экстенсивного экономического роста в интенсивный. Это происходит посредством реформирования национальной инновационной системы, сферы образования и здравоохранения, а также экономической политики в целом. Основные цели КНР на среднесрочную перспективу закреплены в 13-м пятилетнем плане и принятой вместе с ним программе «Китайское производство – 2025».

«Китайская головоломка»

Казалось бы, что индивидуализм, который присущ современной китайской экономике, противоречит мировоззрению и менталитету китайского народа. Многочисленные исследования в области межкультурных коммуникаций определяют, что китайскому народу свойственен коллективизм, а следовательно, на первом месте стоит благосостояние народа и нации, а не индивидуальное развитие и самосовершенствование. Однако это изменение курса внутренней экономики полностью вписывается в китайскую философию – конфуцианство, которой и придерживалось китайское правительство с 70-х годов XX века. Именно в этот период начинается новая эпоха развития КНР – эпоха реформ и либерализации экономики страны.

Согласно конфуцианству, хороший правитель должен сначала «сделать народ богатым, а затем уже его воспитывать» [11, с. 96]. Фактически модернизация китайской экономики проходила согласно именно этой парадигме Конфуция. На первом этапе рыночных преобразований (конец 70-х – 80-е года XX века) главной задачей правительства Китая и Дэн Сяопина была ликвидация последствий «большого скачка»: преодоление голода, увеличение темпов экономического роста страны, проведение модернизации экономики. 90-е годы прошлого столетия стали переходными, в рамках которых создавались правовые механизмы для нового этапа

преобразований, изучались результаты уже сделанных преобразований, планировались дальнейшие изменения. С началом XXI века Китай вступил во второй этап реформ, характеризующийся вниманием к научно-техническому прогрессу, уровню образования населения и другим, более индивидуальным проблемам китайского народа.

Современная модель развития китайской экономики получила название «социализм с китайской спецификой». В настоящее время, находясь в формирующемся состоянии, модель китайского социализма уже имеет свои методологические основы. В первую очередь современный «социализм с китайской спецификой» отличает градуалистский или эволюционный подход к развитию (без «шоков» и «больших скачков», известных по экономической истории многих стран). Реформы в современном Китае отличаются не только последовательностью и постепенностью осуществления, но и гибкостью своей реализации. Это означает, что любой проводимый экономический эксперимент может быть изменён или отменён, если он оказался неудачным [1]. Отсюда вытекает и третий аспект «социализма с китайской спецификой» – его прагматичность. Дэн Сяопин зачастую призывал уделять больше внимания воплощению идей в жизнь: «Суть марксизма в том, чтобы искать истину в фактах. <...> Реформа и политика открытости успешны не потому, что мы полагались на книги, а потому, что мы опирались на практику и искали истину в фактах» [7, с. 185]. Проводя политику открытости, Дэн Сяопин столкнулся с ситуацией, в которой было множество споров относительно рациональности и правильности проведения экономических реформ, соответствия их идеологии партии, необходимости более тщательного продумывания планов развития страны. В конце концов, Дэн Сяопин призвал своих соратников: «Не надо спорить! Ставьте смелые эксперименты и прокладывайте новые пути» [7, с. 174]. В рамках проведения экономических реформ правительство Китая использовало так называемую «теорию кошки» Дэн Сяопина: «неважно, какого цвета кошка: белая или чёрная, – важно, чтобы она ловила мышей» [1]. Китайское правительство активно использовало опыт зарубежных партнёров при проведении реформ, применяя различные административные и рыночные методы и модели, даже если они порой противоречили идеологии партии [1].

С точки зрения развития экономики, новый этап реформ в Китае означает переход от количества к качеству, причём во всех сферах жизни человека. Так, например, знаменитая «головоломка Цяня» отражает необходимость реформирования системы об-

разования КНР. В настоящее время Китай является лидером по количеству докторов наук. Знаменитый китайский учёный Цянь Сюэсэнь спросил: «Почему китайские университеты с 1949 года не выпустили ни одного оригинального мыслителя или учёного-изобретателя мирового уровня?» [7, с. 289]. Собственно, эту «головоломку» можно применить и к экономическому развитию КНР. Сейчас страна является мировым лидером по производству товаров, но вряд ли кто-то назовёт хотя бы 5 известных китайских брендов. Лишь в последние 2–3 года российскому покупателю стали известны Lenovo, Huawei, Meizu и Xiaomi, которые в основном производят высокотехнологичную технику: компьютеры, планшеты и смартфоны.

По мнению Рональда Коуза, китайские компании могут быть конкурентоспособны на мировой арене, но, к сожалению, большинство из них может участвовать только в ценовой конкуренции за счёт низких производственных издержек [7, с. 287]. Тем не менее уже сейчас китайские фирмы ставят перед собой задачи по созданию более качественных и новых продуктов. Привести примеры подобных потребительских инновационных товаров сложно. Возможно, это объясняется, в том числе тем, что Китай сейчас направлен на внутреннее развитие инноваций, то есть сохранение всех результатов инновационной активности внутри страны [26].

Инновации с китайской спецификой

В настоящее время компании Китая используют четыре основных типа или метода создания инновационной продукции [24]. Эти методы являются способами создания так называемых «вторичных инноваций» и могут быть представлены в виде таблицы (таблица 1). Первый метод производства инноваций заключается в новом применении инноваций других фирм. Такой метод производства не требует от фирмы ни увеличения показателей технологического процесса производства, ни изменения качества или иных характеристик выпускаемой продукции. Метод иного применения чужих инноваций (англ. *Applications specialist mode*) обычно используется в тех бизнес-сферах, где всевозможные изобретения уже придуманы. Поэтому фирме выгодно использовать новые (но доступные) технологии. Такая стратегия поведения также называется стратегией безбилетника (англ. *free-riding strategy*). Ей зачастую пользуются компании из развивающихся стран, заимствуя технологии лидеров мирового рынка. По такому пути успешно развивались национальные авиалинии Объединённых Арабских Эмиратов, а в наши дни этот метод активно используют китайские представители малого и среднего бизнеса [24].

Таблица 1 – Схема для понимания стратегий национальных технологических возможностей [24; 29]

		Возможности технологии производства	
		высокие	низкие
Возможности технологическо- го процесса	высокие	Метод быстрого копирования инноваций (кластерная стратегия)	Метод инновационного изменения технологического процесса (нишевая стратегия)
	низкие	Метод инновационного изменения технологии производства (нишевая стратегия)	Метод иного применения чужих инноваций (стратегия безбилетника)

Метод инновационного изменения характеристик продукции или даже создания нового товара предполагает активную работу по созданию инноваций внутри фирмы. Безусловными примерами здесь служат последние новинки, выпущенные в развитых странах: японская технология создания гибридных автомобилей или продукция Apple в США. Кстати, компания Apple сделала эту стратегию развития не просто методом ведения бизнеса, а своей маркетинговой идеологией. Аналогичный способ заключается в изменении если не свойств продукции, то технологии её изготовления. Компания может работать над снижением издержек производства или повышением возможностей производственной линии. Так в своё время поступил Генри Форд, запустив первый в мире конвейер, так в конце прошлого века развивались «азиатские драконы»: Тайвань (в изготовлении высокотехнологичных компьютеров) и Корея (в области сталелитейной промышленности) [24]. Оба этих метода создания инноваций называются пионерными (англ. *Process capability pioneering mode* и *product technology pioneering mode* соответственно), то есть нацеленными на чистое создание чего-то нового, ранее не существовавшего. С точки зрения рынка, оба этих метода рациональны для проведения нишевых маркетинговых стратегий [29].

Последний метод является, пожалуй, самым высокотехнологичным, так как требует высокой степени технологической оснащённости фирмы. Этот метод быстрого копирования инноваций (или же догоняющая стратегия, англ. *fast-follower innovation mode*) заключается в быстром приобретении прав (путём покупки лицензий или посредством имитативного обучения) на инновационные продукты или технологии и немедленного их внедрения в процесс производства. Такая погоня за лидерами отрасли позволяет не только не отставать от последних тенденций, но и даже обгонять ведущие фирмы этого сегмента. Такими стратегиями развития после Второй мировой войны пользовались японские производители автомобилей и предприятия тяжёлой промышленности в Германии [25].

Несмотря на применение таких общепринятых методов создания инноваций, для иностранного потребителя китайские «новшества» являются, чаще всего, плагиатом общеизвестных мировых марок. В этом смысле правильнее говорить об инновационной и имитационной стратегиях создания нового продукта [30]. Безусловно, очевидно выигрышное преимущество инновационной стратегии над имитационной. Создание, а не копирование новых продуктов будет выигрышным даже на таких формирующихся рынках, как рынок Китая. До сих пор имитационная стратегия была ключом к ведению бизнеса в Китае из-за низкой покупательной способности населения страны, малого опыта производства инновационных продуктов, а также сложившихся экономических традиций [31]. Отсюда получается, что качественный экономический рост китайской промышленности невозможен из-за низкого уровня жизни населения, который, в свою очередь, объясняется отсутствием качественной продукции в Китае.

Переход к качественно новой ступени развития требует от китайских фирм использования инновационных, а не имитационных стратегий. Но ввиду долгого существования в рамках «двухрельсовой экономической системы» (принцип, предложенный Чэнь Юнем: «Плановая экономика – главный, а рыночная – вспомогательный элемент» [7, с. 119], частному сектору китайского бизнеса всё ещё сложно самостоятельно развиваться. До сих пор Китай воспринимается как коммунистическое или, по крайней мере, социалистическое государство, хотя Р. Коуз доказал, что Китай в наши дни развивается по модели «капитализма с китайской спецификой». Это означает, что инновационная трансформация экономики КНР должна происходить как из середины (т. е. на уровне фирм), так и сверху: китайским фирмам должно помогать государство.

В марте 2016 года в рамках доклада о работе правительства премьер Госсовета КНР Ли Кэцян признал массовое предпринимательство и масштабные инновации в качестве новых факторов экономического роста страны [12; 13]. Это означает переход к «новой нормальности»: увеличение объёма

предпринимательского (частного) сектора китайской экономики. Во время своего доклада Ли Кэцян подчеркнул, что важно «пробуждать желание людей заниматься предпринимательством и содействовать масштабным инновациям», так как это не только позволит увеличить возможности трудоустройства, но и «обеспечит рост доходов населения, оживит социальную мобильность по вертикали, будет содействовать социальному равноправию и укрепит социальную справедливость» [13]. В рамках развития идеи массового предпринимательства предполагается дальнейшее совершенствование информационно-технологической базы страны, а также активное обучение (и «взращивание») предпринимателей. Параллельно предполагается дальнейшее стимулирование и либерализация инновационной сферы экономики Китая.

На протяжении нескольких лет 2020 год выступает как контрольная дата развития китайской экономики. В различных СМИ и научных работах говорится о том, какого уровня потребления энергоресурсов достигнет Китай к 2020 году, или насколько увеличатся размеры железных дорог страны, или что Китай вдвое увеличит ВВП к вышеупомянутому году (например [10]). С 2016 года эта «контрольная дата» приобретает ещё одно значение: окончание 13-й пятилетки Китая, план которой был принят в октябре прошлого года вместе с программой «Китайское производство – 2025».

Новый пятилетний план развития практически полностью сосредоточен на инновационном развитии экономики. Согласно идее китайских властей, это приведёт не только к увеличению темпов роста экономики (вопреки предсказаниям кризиса и упадка), но и к улучшению качества жизни в стране. Секрет предполагаемого успеха заключается в изменении стимулов и источников экономического роста: перехода от количественных изменений к качественным.

Результаты и обсуждение.

Взаимосвязь счастья и инноваций

Как уже отмечалось ранее, в рамках концепции экономики счастья существует «парадокс Истерлина», заключающийся в том, что экономический рост не всегда приводит к увеличению уровня счастья населения страны [15; 19; 22]. С первого взгляда, ярким примером, иллюстрирующим парадокс Истерлина, является Китай. Несмотря на рост экономики, показатели удовлетворённости своей жизнью населением страны не увеличивались в 1990–2000-х годах и даже наоборот, демонстрировали падение. Однако оказывается, что снижение уровня счастья населения Китая зависит не от эко-

номических (что объяснялось бы парадоксом Истерлина), а от неэкономических факторов. В частности, в 2008 году было проведено исследование, в ходе которого было изучено влияние негативных психологических последствий быстрых социальных изменений, произошедших в стране за период реформ: аномия, политическое недовольство и относительная депривация (относительное ухудшение положения) [20].

Слишком быстрые темпы экономического развития привели к возникновению феномена людей, «достигших в жизни определённого успеха, но сильно разочарованных» (англ. «*frustrated achievers*»). Авторы исследования делают предположение, что такой феномен свойственен не только китайскому обществу, но и всем, которые перенесли резкие изменения в структуре своей экономики (например, страны БРИКС). В этом смысле нацеленность на постепенное и устойчивое развитие экономики Китая в новой пятилетке преследует за собой цель по повышению уровня удовлетворённости своей жизнью в первую очередь среди таких слоёв населения.

Изменение курса китайской экономической политики и увеличение внимания к социальным проблемам могут стать решением возникшей проблемы «не счастливого» населения Китая. Однако в настоящее время применение традиционных инструментов социальной политики является неэффективным. Двойная задача по увеличению качества жизни населения и одновременном сохранении темпов роста экономики требует использования инноваций. Но всегда ли инновации означают повышение качества жизни населения и – в дальнейшем – субъективного ощущения счастья жителей страны?

Многие исследования описывают взаимосвязь личного ощущения счастья работника и степень креативности и инновационности его деятельности. В большинстве своём эти исследования проводятся на микроэкономическом уровне, они посвящены тенденциям, существующим в отдельных организациях или отраслях [9; 18; 21]. Наличие такого рода исследований доказывает факт взаимосвязи двух рассматриваемых понятий: счастливые люди лучше работают и чаще создают инновации. Задача данной статьи найти обратную связь, что переносит исследование на макроэкономический уровень.

В конце 2015 года было проведено исследование взаимосвязи уровня счастья в странах Латинской Америки и Глобального индекса инноваций (ГИИ). Оказалось, что явная связь между уровнем счастья и уровнем инновационного развития отсутствует. Однако это свидетельствует лишь о том, что

необходимо применять иные инструменты изучения взаимосвязи между данными явлениями. Более того, возможно, требуется пересмотр самих методов оценки счастья и инновационности [24].

Так как в упомянутом исследовании проводился анализ только по странам Латинской Амери-

ки, проведём корреляционный анализ данных Глобального индекса инноваций и рассмотренных ранее индексов счастья. Большая выборка стран может продемонстрировать иные результаты корреляционного анализа. На рисунках 1–3 представлены графики, иллюстрирующие полученные результаты.

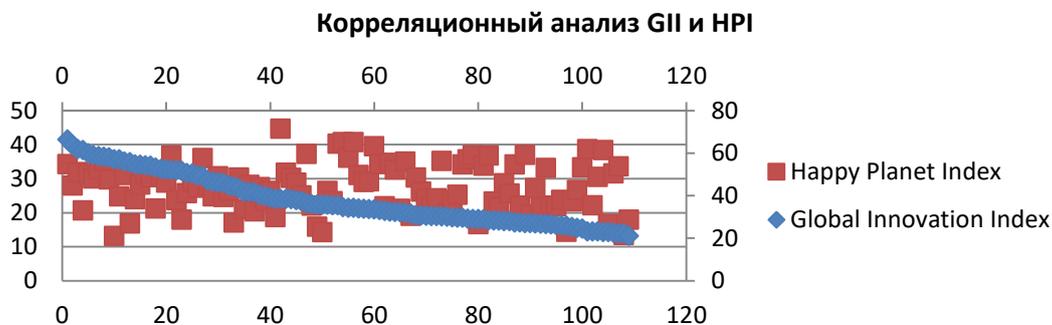

Рисунок 1 – Результаты корреляционного анализа Global Innovation Index и Happy Planet Index

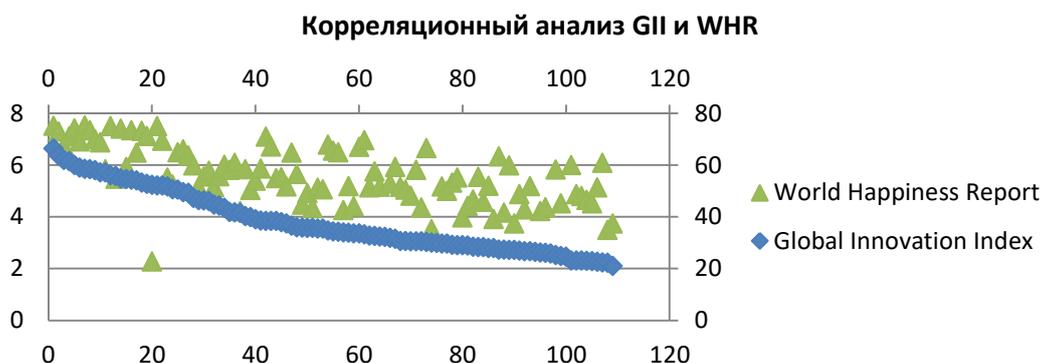

Рисунок 2 – Результаты корреляционного анализа Global Innovation Index и World Happiness Report

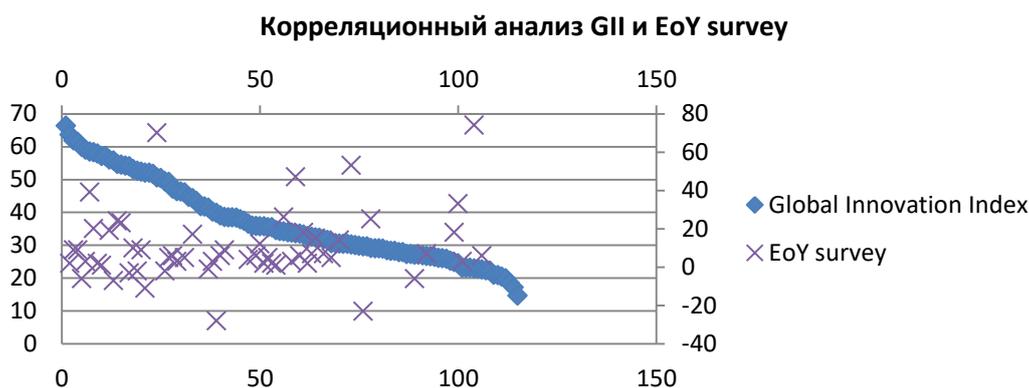

Рисунок 3 – Результаты корреляционного анализа Global Innovation Index и End of Year survey

Как видно из графиков, ни один из рассмотренных в данной статье индексов счастья не демонстрирует сильную корреляционную связь с Глобальным индексом инноваций. Согласно расчётам, коэффициенты корреляции НПИ и EoYsurvey при-

близительно равны по модулю (значения коэффициентов $p = 0,1280$ и $p = -0,1341$ соответственно). Полученные расчёты говорят о слабой связи этих индексов с ГИИ. То, что Индекс счастливой планеты строится на основе данных, полученных в результа-

те ежегодного опроса группы Gallup, объясняет примерное равенство полученных расчётов по модулю.

Глобальный индекс инноваций и Рейтинг всемирного счастья демонстрируют более тесную связь ($p = 0,6662$). Можно предположить, что это связано с тем, что в данное исследование входит анализ экономического и психологического аспектов, национальной статистики, показателей здоровья нации, государственной политики и других факторов. Следовательно, для выявления зависимости различных экономических показателей (в том числе степени инновационности развития страны) и степени счастья населения страны, важно включать в анкеты экономические критерии.

Заключение

*От «экономического чуда»
к инновационному счастью*

Инновации проникли практически во все сферы жизни китайского народа. С начала XXI века активно реализуется государственная экономическая (и социальная) политика по внедрению инноваций не только в их первостепенном значении – технологических, но и иных – управленческих, социальных, образовательных. Правительство Китая регулярно увеличивает расходы на научные разработки и исследования, занимается вопросами повышения качества жизни населения и уровня образования. Также активно проводится политика по повышению уровня научно-технического развития жителей страны [6].

В ходе реформ оказалось, что традиционные западные стратегии внедрения инноваций в Китае не являются эффективными. Высокотехнологичные устройства, которые активно применяются в развитых странах в обычной жизни, например, современное медицинское оборудование, не могут применяться в больницах Китая так как квалификация медицинского персонала не достаточно высока для использования этих приборов [6]. Ввиду такой специфичности инновационной политики Китая, правительство страны содействует сохранению технологий внутри страны, поощряет использование китайских инноваций и изобретений как местными, так и иностранными производителями [6; 25].

Таким образом, перед КНР стоит сложная задача по превращению страны в инновационного лидера мира. Решение задачи – это многоуровневая система действий как на правительственном, так и на местном уровнях. С одной точки зрения, существует уже принятый вектор инновационного развития страны в рамках постоянно обновляемых программ и планов (что является «верхним уровнем»

решения проблемы). С другой стороны, сами компании – на среднем уровне – заинтересованы в создании и применении отечественных инноваций. Наконец, важно – на низшем уровне – повышать уровень жизни населения и уровень образованности жителей страны для того, чтобы все нововведения действительно работали на благо экономики страны, т. е. были инновациями.

Можно отметить, что степень инновационного развития и уровень счастья населения страны – это взаимосвязанные явления. Инновации могут стать ключевым инструментом повышения качества жизни населения без значительного сокращения темпов роста экономики Китая. В свою очередь, увеличение степени удовлетворённости своей жизнью жителей КНР приведёт ещё более мощному развитию научно-технического потенциала страны.

В то же время в российском варианте инновационного развития преобладает весьма формальный подход к этой важнейшей проблеме. Стратегические документы свидетельствует о предпочтении руководства страны перенимать западноевропейские и американские модели финансирования образования, научной сферы, инновационного делового пространства. Практически не уделяется внимания социальным предпосылкам и последствиям инновационных процессов, их российской специфики. В России инновационное развитие страны подменяется понятием «развитие инновационной сферы». Такое технократичное понимание проблемы обедняет задачу перехода к новому технологическому укладу, с одной стороны, и выплескивает «нового инновационного человека» вместе с водой. Подобный подход приведет как минимум к социальному непониманию и разочарованию, а как максимум – к отсутствию инновационного развития на базе сбалансированного развития регионов, комплексного решения социальных, гуманитарных и экологических проблем, а также проведения денежно-кредитной и бюджетной политики с учетом российских запросов и реалий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдокушин Е. Ф. О сути и особенностях китайской экономической модели // Вопросы новой экономики. 2013. № 1 (25). С. 23–28.
2. Антипина О. Экономическая теория счастья как направление научных исследований // Вопросы экономики. 2012. № 2. С. 94–107.
3. Арутюнов Г. Б., Юдина Т. Н. Конфуцианство как философия хозяйства и эволюция китайской экономической мысли в ходе модернизации // Наука и образование: хозяйство и эконо-

мика; предпринимательство; право и управление. 2011. (Июль).

4. Архипова М. Ю. Востребованы ли инновации: исследование взаимосвязи инноваций и уровня жизни населения в России и странах мира // Статистика как средство международных коммуникаций: Материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 28–30 января 2014 г.). 2014. С. 25–28.

5. Архипова М. Ю., Лебедев А. В. Инновации и уровень жизни населения: взаимосвязь, тенденции, перспективы // Экономика, статистика и информатика. 2012. № 6. С. 91–95.

6. Колесникова Т. В. Инновационная составляющая китайской экономики // Экономический журнал. 2012. № 28. С. 31–39.

7. Коуз Р., Ван Н. Как Китай стал капиталистическим. М. : Новое издательство, 2016. 386 с.

8. Орешко И. И., Бабусенко Н. Ю. Исследование влияния инноваций на уровень жизни населения в России // Управление инновациями: теория, методология, практика. 2016. № 17. С. 6–11.

9. Усманова Т. Х. Инновационный менеджмент как инструмент развития человеческого капитала и повышения качества жизни // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2016. № 3 (27). С. 98–106.

10. Щепин К. Планы на пятилетку [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2016/03/18/v-kitae-zaiavili-o-namerenii-udvoit-vvp-k-2020-godu.html> (дата обращения: 25.09.2016).

11. Всемирная история экономической мысли Т. 1. Под ред. В. Н. Черковец. М. : Мысль, 1987. 608 с.

12. Ключевые слова 2015 года: события, которые потрясли Китай [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0104/c95181-8998704.html> (дата обращения: 25.09.2016).

13. Массовое предпринимательство и масштабные инновации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kitaichina.com/se/txt/2015-05/25/content_689306.htm (дата обращения: 25.09.2016).

14. Козьминых Е. С. Политико-правовые идеи Дж. Ст. Милля в восприятии либералов «Вестника Европы» // Вестник Пермского университета. 2011. № 2 (16). С. 88–94.

15. Родионова Л. А. Парадокс Истерлина в России // Известия Саратовского университета. Серия Экономика. Управление. Право. 2014. № 2 (14). С. 386–393.

16. Ломанов А., Борох О. Первые шаги нового

руководства Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 3. С. 15–32.

17. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/doc20120210_04

18. Шумахер Э. Малое прекрасно: экономика, в которой люди имеют значение / Пер. с англ. и примеч. Д. О. Аронсона, М. : Изд. дом ВШЭ, 2012.

19. Имгрунт С. И., Эмирбекова Э. Э., Гнатюк М. А., Шулятьев Е. Е. Методологический конструкт изучения специфики формирующейся национальной инновационной системы России // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 17. № 1. С. 120–130.

20. Brockmann H. [etc.]. The China puzzle: Falling happiness in a rising economy // Journal of Happiness Studies. 2009. № 4 (10). С. 387–405.

21. Dixon H. D. Controversy economics and happiness // The Economic Journal. 1997. № 445 (107). С. 1812–1814.

22. Поповкин А. В., Коваленко С. Г. Этика государственного служения: реформы в Китае и России в горизонте поиска новых этических оснований политики // Россия и АТР. 2011. № 2. С. 154–170.

23. Easterlin R. A. Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence 1974. 125 с.

24. Hojman D. E. Getting Innovation Right: The Key to Happiness and Flourishing? // Homo Oeconomicus. 2016.

25. Kanamori T., Lim J. J., Yang T. China's SME Development Strategies in the Context of a National Innovation System // World. 2007. № 55.

26. Layard R., Sachs J., Helliwell J. World Happiness Report 2016 // 2016. Т. I. 70 с.

27. Liu X., White S. Comparing innovation systems: a framework and application to China's transitional context // Research Policy. 2001. (30). С. 1091–1114.

28. Marks N. [etc.]. The Happy planet index // 2006. 59 с.

29. Sachs J., Veccehetti L., Annett A. World Happiness Report 2016 // 2016. Т. II. 132 с.

30. Yang T., Lim J. J., Kanamori T. A strategy for small- and medium-sized enterprise development within a national innovation system. The case of the People's Republic of China 2008. № September.

31. Zhou K. Z. Innovation, imitation, and new product performance: The case of China // Industrial Marketing Management. 2006. № 35. С. 394–402.

32. Happy planet index 2006–2012 [Электрон-

ный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nationmaster.com/country-info/stats/Culture/Happy-Planet-Index#2006> (дата обращения: 06.11.2016).

33. Happy planet index [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://happypplanetindex.org/> (дата обращения: 06.11.2016).

34. Happy Planet Index: China [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://happypplanetindex.org/countries/china> (дата обращения: 09.11.2016).

35. World Database of Happiness [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://worlddatabaseofhappiness.eur.nl/hap_quer/hqi_fp.htm (дата обращения: 12.11.2016).

36. Don't worry be happy // The Economist. 2011. С. 49.

37. Речь на 1-й сессии Всекитайского Собрания народных представителей 12-го созыва // Жэньминь жибао. 2013.

38. WIN/Gallup International's Annual global End of Year survey reveals a world of conflicting hopes, happiness and despair. 2015.

REFERENCES

1. Avdokushin E. F. O suti i osobennostjakh kitajskoj jekonomicheskoj modeli (About the essence and characteristics of Chinese economic model), *Voprosy novoj jekonomiki*. 2013. № 1 (25). pp. 23–28.

2. Antipina O. Jekonomicheskaja teorija schast'ja kak napravleniena uchnyh issledovanij (The economic theory of happiness as an academic research), *Voprosy jekonomiki*. 2012. № 2. pp. 94–107.

3. Arutjunov G. B., Judina T. N. Konfucianstvo kak filosofija hozjajstva i jevoljucija kitajskoj jekonomicheskoj mysli v hode modernizacii (Confucianism as a philosophy of management and evolution of Chinese economic thought in the course of modernization), *Nauka I obrazovanie hozjajstvo I jekonomika; predprinimatel'stvo; pravo I upravlenie*. 2011. Т. Ijul'.

4. Arhipova M. Ju. Vostrebovany li innovacii: issledovanie vzaimosvjazi innovacij I urovnja zhizni naselenija v Rossii i stranah mira (Is there a need for innovation: a study of the relationship of innovation and standard of living of the population in Russia and countries of the world), *Statistika kak sredstvo mezhdu-narodnyh kommunikacij Materialy mezhduna-rodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* (Sankt-Peterburg, 28–30 janvarja 2014 g.). 2014. pp. 25–28.

5. Arhipova M. Ju., Lebedev A. V. Innovacii i uroven' zhizni naselenija: vzaimosvjaz', tendencii, perspektivy (Innovation and the standard of living of the population: relationship, trends and prospects), *Jekonomika, statistika i informatika*. 2012. № 6. pp. 91–95.

6. Kolesnikova T. V. Innovacionnaja sostavljajushhaja kitajskoj jekonomiki (The innovative component of the Chinese economy), *Jekonomicheskij zhurnal*. 2012. № 28. pp. 31–39.

7. Kouz R., Van N. Kak Kitaj stal kapitalisticheskim (How China became capitalist), М. : Novoe izdatel'stvo, 2016. 386 p.

8. Oreshko I. I., Babusenko N. Ju. Issledovanie vlijanija innovacij na uroven' zhizni naselenija v Rossii (Study of the effect of innovations on living standards of population in Russia), *Upravlenie innovacijami: teorija, metodologija, praktika*. 2016. № 17. pp. 6–11.

9. Usmanova T. H. Innovacionnyj menedzhment kak instrument razvitija chelovecheskogo kapitala i povyshenija kachestva zhizni (Innovation management as a tool for developing human capital and improving quality of life), *MIR (Modernizacija. Innovacii. Razvitiye)*. 2016. Т. 7. № 3 (27). pp. 98–106.

10. Shhepin K. Plany na pjatiletku (Plans for the next five years) [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://rg.ru/2016/03/18/v-kitae-zaiavili-o-namerenii-udvoit-vvp-k-2020-godu.html> (data obrashhenija: 25.09.2016).

11. Vsemirnaja istorija jekonomicheskoj mysli (World history of economic thought), Т. 1 / Pod red. V. N. Cherkovec. М. : Mysl', 1987. 608 p.

12. Kljuचेveslova 2015 goda: sobytija, kotorye potrasli Kitaj [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0104/c95181-8998704.html> (data obrashhenija: 25.09.2016).

13. Massovoe predprinimatel'stvo I masshtabnye innovacii [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.kitaichina.com/se/txt/2015-05/25/content_689306.htm (data obrashhenija: 25.09.2016).

14. Koz'minyh E. S. Politiko-pravovye idei Dzh. St. Millja v vosprijatii liberalov «Vestnika Evropy» (Political and legal ideas of John. St. Mill in the perception of liberals «Bulletin of Europe»), *Vestnik Permskogo universiteta*. 2011. № 2 (16). pp. 88–94.

15. Rodionova L. A. Paradoks Isterlina v Rossii (The paradox Esterlina in Russia), *Izvestija Saratovskogo universiteta. Serija Jekonomika*. Upravlenie. Pravo. 2014. Т. 14. № 2. pp. 386–393.

16. Lomanov A., Boroh O. Pervye shagi novogo rukovodstva Kitaja (The first steps of the new leadership of China), *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2013. № 3. pp. 15–32.

17. Strategiya innovacionnogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/doc20120210_04

18. Shumajer Je. Maloe prekrasno: jekonomika, v kotoroj ljudi imejut znachenie (Small Is Beautiful: A

Study of Economics As If People Mattered), Per. s angl. I primech. D. O. Aronsona. M. : Izd. Dom VShJe, 2012.

19. Imgrunt S. I., Emirbekova E. E., Gnatyuk M. A., SHulyat'ev E. E. Metodologicheskij konstrukt izucheniya spetsifiki formiruyusheysya natsional'noy innovatsionnoy sistemi Rossii (Methodological construct of study of the specifics of the emerging national innovation system of Russia), *Gumanitarniy Yuga Rossii*. 2016. T. 17. No. 1. pp. 120–130.

20. Brockmann H. [etc.]. The China puzzle: Falling happiness in a rising economy, *Journal of Happiness Studies*. 2009. № 4 (10). pp. 387–405.

21. Dixon H. D. Controversy economics and happiness, *The Economic Journal*. 1997. № 445 (107). pp. 1812–1814.

22. Popovkin A. V., Kovalenko S. G. Etika gosudarstvennogo sluzheniya: reformi v Kitae i Rossii v gorizonte poiska novih eticheskikh osnovaniy politiki (The ethics of public service: reform in China and Russia in the horizon of search for new ethical foundations of politics), *Rossiya i ATR*. 2011. No. 2. pp. 154–170.

23. Easterlin R. A. *Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence*. 1974. 125 p.

24. Hojman D. E. Getting Innovation Right: The Key to Happiness and Flourishing? *Homo Oeconomicus*. 2016.

25. Kanamori T., Lim J. J., Yang T. China's SME Development Strategies in the Context of a National Innovation System, *World*. 2007. № 55.

26. Layard R., Sachs J., Helliwell J. *World Happiness Report 2016*, 2016. T. I. 70 p.

27. Liu X., White S. Comparing innovation systems: a framework and application to China's transitional context, *Research Policy*. 2001. (30). pp. 1091–1114.

28. Marks N. [etc.]. *The Happy planet index // 2006*. 59 p.

29. Sachs J., Beccehetti L., Annett A. *World Happiness Report 2016*. 2016. T. II. 132 p.

30. Yang T., Lim J. J., Kanamori T. A strategy for small- and medium-sized enterprise development within a national innovation system. *The case of the People's Republic of China 2008*. № September.

31. Zhou K. Z. Innovation, imitation, and new product performance: The case of China, *Industrial Marketing Management*. 2006. № 35. pp. 394–402.

32. Happy planet index 2006-2012 [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.nationmaster.com/country-info/stats/Culture/Happy-Planet-Index#2006> (дата обращения: 06.11.2016).

33. Happy planet index [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://happyplanetindex.org/> (дата обращения: 06.11.2016).

34. Happy Planet Index: China [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://happyplanetindex.org/countries/china> (дата обращения: 09.11.2016).

35. World Database of Happiness [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://worlddatabaseofhappiness.eur.nl/hap_quer/hqi_fp.htm (дата обращения: 12.11.2016).

36. Don't worry be happy. *The Economist*. 2011. pp. 49.

37. Rech' na 1-j sessii Vsekitajskogo Sobranija narodnyh predstavitelej 12-go sozyva (Speech at the 1st session of vsekitajsky meeting of national representatives of the 12th convocation), *Zhjen'min' zhibao*. 2013.

38. WIN/Gallup International's Annual global End of Year survey reveals a world of conflicting hopes, happiness and despair. 2015.

Дата поступления статьи в редакцию 19.05.2017, принята к публикации 14.07.2017.

08.00.14

УДК 339.5

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ НА МИРОВОМ ЗЕРНОВОМ РЫНКЕ

© 2017

Груздев Георгий Васильевич, доктор экономических наук,
профессор кафедры «Сервис и экономика сферы услуг»

Нижегородский государственный инженерно-экономический университет, Княгинино (Россия)

Генералов Иван Георгиевич, старший преподаватель кафедры
«Экономика и автоматизация бизнес-процессов»

Нижегородский государственный инженерно-экономический университет, Княгинино (Россия)

Аннотация

Введение. Для Российской Федерации исторически зерновое производство является основой устойчивого функционирования национального продовольственного сектора.